

МОСКОВСКИЙ ПРАВД
Москва

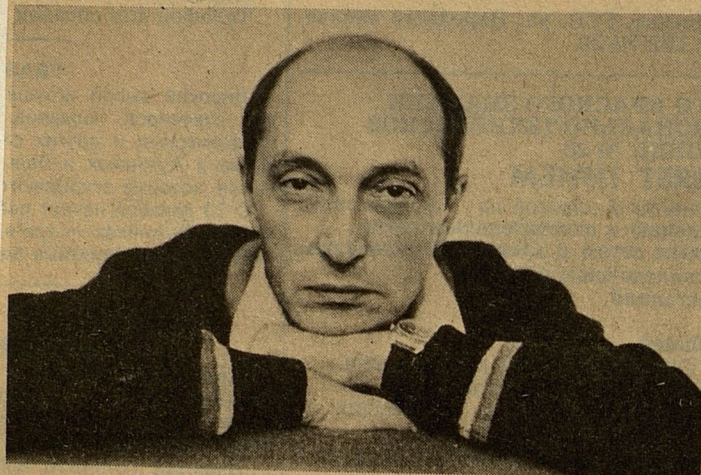
12 ДЕК 1985

встреча

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

Наш собеседник — народный артист РСФСР Михаил КОЗАКОВ

Все в квартире актера на Большой Ордынке — от книг на письменном столе до картин на стенах — говорит о разнообразии интересов ее хозяина. Актер, режиссер, сценарист, чтец — исполнитель стихотворных композиций, литературовед...

— Михаил Михайлович, недавно Центральное телевидение показало фильм «Сделка» по гетевскому «Фаусту», где вы выступили и как сценарист, и как режиссер-постановщик, и как исполнитель одной из главных ролей. Почему вы решили взяться за эту «вечную тему»?

— Есть такое понятие — третий возраст, время подведения жизненных итогов, время больших человеческих раздумий. Мне пятьдесят один, я уже подхожу к этому периоду. И телевизионный «Фауст» возник, конечно, не случайно. Я долго к нему шел.

Кто-то однажды пошутил, что не читать этой книги — преступление, а читать — наказание. Очевидно, имелся в виду масштаб произведения, очень большого и сложного. Две огромные части «Фауста» никогда не ставились в России целиком. Он вообще очень редко ставился. И когда мне удалось осилить книгу как читателю — не пробежаться по страницам, а вдуматься, познакомиться с литературой о Гете, мне захотелось поделиться этим пониманием великого

произведения. Сыграли свою роль моя любовь к Пастернаку, великолепному переводчику «Фауста», и к Булгакову (его «Мастер и Маргарита», по моему, продолжает гетевскую тему) и, конечно, трехчастная постановка «Фауста» на радио, где я играл Мефистофеля, а Бортников — Фауста.

Наш фильм возник в рамках учебной программы как литературно-художественный комментарий к «Фаусту». Надеюсь, что не только как комментарий: ведь не случайно для первой серии мы выбрали квинтэссенцию произведения — диалоги Фауста и Мефистофеля.

— А в чем вы видите актуальность этого произведения?

— Убежден, что великие классические произведения всегда современны. О чем эта философская поэма? О взлетах и падениях человеческого духа, о диалектике поиска и скепсиса. У вас желание улететь за облака, а земля тянет вниз. Одна сторона души зовет человека в гущу событий, в большой мир, побуждает действовать (ведь Фауст считает, что лишь «в неутомимости всечасной себя находит человек...»). Другая

же (мефистофельское начало) подвергает все эти зовы сомнению. Борьба противоречий в человеческой душе — тема вневременная и остро современная: «падения эти и подъемы — так совершается судьба».

— Вы как-то признались, что основная ваша тема — конфликт материального и духовного начал в человеке. И в «Фаусте» мы видим...

— Да, продолжение той же темы, что и в фильме «Безымянная звезда», где я сыграл воплощение скептического начала — Грига. Эта же тема присутствует и в новом телефильме, который я снял по драме Лермонтова «Маскарад». Арбенин нашел «небесное создание», «искупление от грехов» — и появляется Казарин, вот уж серьезный Мефистофель. Если у Гердта это скорее шутник, «плут и весельчак» (как у Гете), то Казарин Джигарханяна страшен. Вы правы, это продолжение главной, тревожащей меня и как актера, и как человека темы.

— Каков он, на ваш взгляд, современный актер?

— Мне кажется, что это интеллигентный человек, который живет в своем времени активно. Утверждает свой символ веры, отстаивает выстраданные убеждения. Если он не поверяет свои размышления, убеждения прошлым, то он, по моему, никогда не услышит, по выражению Пастернака, «будущего зова». Знание прошлого, опора на предыдущую культуру — для меня аксиома. К сожалению, с этим зачастую теоретически соглашаются, а практически...

— В 60-е годы вы поставили на телевидении свою первую работу. Затем последовали «Удар рога», «Ночь ошибок», «Покровские ворота», «Попечитель», «Если верить Лопотухину». Наконец, постановка популярного видеофильма «Маскарад». Что приводит актера к занятию режиссурой?

— По этому поводу длинные споры идут. Защитник режис-

сера-актера может спросить: а кто был Станиславский? Он был актером. А кто был Мейерхольд? Актером. Пудовкин? Актером. Но начинают называть другие имена хороших актеров, которые бездарно ставили зачем-то спектакли или фильмы. Думается, нет закономерности ни в том, ни в другом.

Что касается меня, жил, наверное, внутри человек, склонный к режиссуре, к самостоятельному творчеству, который долго шел к профессии.

— А кем все-таки вы себя считаете на настоящий момент — актером, режиссером, чтецом, литератором?

— Трудный вопрос. Это все моя жизнь, не считайте за хлестаковщину. Судите сами. В Театре имени Ленинского комсомола репетирую роль Полония в спектакле «Гамлет» Шекспира, который ставит Глеб Панфилов (Гамлета играет Олег Янковский, королеву — Инна Чурикова). Продолжаю работу над второй и третьей частями «Фауста», где появятся уже Гретхен, Валентин, Марта. Готовим вместе с Михаилом Дунаевым телепередачу о пушкинских «Повестях Белкина». В «Театральной жизни» вышли мемуары, в «Юности» — литературоведческая статья, посвященная Лермонтову и Пушкину. Недавно в небольшой роли снялся у Балояна. Продолжаю читать поэтические композиции — и на телевидении, и непосредственно на концертной эстраде. Делаем с Гердтом пластинку по «Фаусту». И я бы не хотел лишиться ни одной из этих частей моей жизни.

И на вопрос, не разбрасываюсь ли я, отвечаю, что такая система позволяет себя как раз ограничивать. Предложили главную роль в фильме, а сценарий мне не понравился, — могу отказаться. И в простое не буду. Чтецкая, литературская работа позволяют жить «широким фронтом».

— А чем вы руководствуетесь при выборе стихов для исполнения?

— Есть круг близких мне с детства поэтов. Пушкин, Лермонтов, Тютчев. Позднее — Пастернак, Цветаева, Тарковский, Левитанский, Давид Са-

мойлов, Олег Чухонцев. В мир поэта войти сложно. Вот к Некрасову никак не могу приступить. Не всякого поэта, которого поймешь, можно читать. Может «не лечь на голос». Основоположник чтецкого дела Закушняк говорил о Толстом, которого очень любил: «Жидковат я для Толстого, на голос не ложится». Я могу так сказать, например, про Маяковского.

Вообще профессия чтеца очень близка профессии пианиста, который сам составляет и осмысливает репертуар. Главное в процессе публичного чтения — поделиться любовью к этому поэту, к этому его произведению. И важно не присваивать себе стихи, помнить, что ты — всего лишь исполнитель.

— Если говорить о ваших читательских пристрастиях...

— Проза Чингиза Айтматова, Фазиля Искандера, Юрия Трифонова, Булата Окуджавы. В литературоведении многое для меня прозвучало открытием в книге Рассадина «Спутники» и в его же книге о Пушкине драматурге.

— Что вы цените в людях?

— Обычные человеческие качества. Доброту. Ум. Порядочность. В творчестве — фанатизм. Не люблю людей скучных... по мышлению. Вот, скажем, мое детство легким не назовешь — пришлось на войну, эвакуацию, болел туберкулезом. Да и жили мы небогато. Но как интересно! Люди старшего поколения собирались за столом не поесть и выпить, а поговорить, пообщаться, пошутить, пофантазировать... Атмосфера для детей притягательная. Поэтому стараюсь и у себя дома дружить со своими уже взрослыми детьми, шестилетней внучкой Дашей...

— А свободное время?

— Общение с друзьями, музыка из домашней фонотеки, путешествия по стране. И прогулки по Москве — особенно в выходные, по пустынным центральным улицам, тем более что живу в красивейшем уголке. Фильм «Покровские ворота» стал моим признанием в любви этому удивительному городу.

Беседу вел
Н. БОБРОВА.